

Сяо И вернулся домой с тёмными кругами под глазами. Он не спал всю ночь, разбираясь с семьями тех, кто устроил бесчинство, и от усталости то и дело зевал. Он тихо подошёл к кровати, осторожно подвинул Линь Мудуна глубже внутрь и уже собирался лечь рядом, как фулан под ним слегка пошевелился. Сяо И испугался, что разбудил его, и невольно затаил дыхание.

В конце концов он всё же протянул длинную руку, крепко притянул фулана к себе и, почувствовав знакомый аромат, только тогда окончательно отпустил накопившуюся усталость и спокойно закрыл глаза.

Проспал он до самого полудня. С кухни тянулся запах готовящейся еды, фулан о чём-то смеясь разговаривал с бабушкой, а щенок во дворе играл с бамбуковым мячиком. Потом вдруг забежал на кухню, натворил там неизвестно чего и тут же получил выговор от Линь Мудуна и бабушки. Самые обычные, ничем не примечательные домашние звуки, но Сяо И долго лежал с закрытыми глазами и слушал их, словно немного потерявшись в своих мыслях.

— Ты проснулся, — Линь Мудун выглянул из-за двери и тихо сказал: — Я уже приготовил еду. После обеда мы с бабушкой пойдём в горы. Ты ещё поспи, а проголодаешься - поешь.

Подходить ближе он не решался. Сегодня утром, проснувшись, Линь Мудун обнаружил, что Сяо И обнимает его. Он попытался выбраться, но оказался прижат под ним. Сяо И спал крепко, на подбородке проступила тёмная щетина. Она была едва заметна, но придавала его лицу неожиданно властный и давящий вид.

Сяо И нахмурился. Он тоже заметил, что в последние дни фулан нарочно держится от него подальше, и это его раздражало. На душе стало неприятно, и он жёстко сказал:

— Не нужно. Я тоже пойду в горы.

Взгляд Линь Мудуна дрогнул. Он робко не посмел возразить, боясь, что стоит подойти чуть ближе, и Сяо И снова посмотрит на него тем самым взглядом. От этого ему становилось немного страшно.

Когда Линь Мудун накладывал еду, он настороженно наострил уши. Но Сяо И подошёл совершенно бесшумно и вдруг оказался прямо перед ним. Ложка выскользнула у Линь Мудуна из руки и упала в котёл, а в глазах сразу появилось беспокойство.

Ли Юйфэнь одного взгляда хватило, чтобы понять: между ними что-то не так. Она поспешно ускользнула.

Линь Мудун опустил глаза и какое-то время не мог придумать, что сказать. Наконец спросил:

— А у старшего дяди... всё в порядке?

— Нет, — ответил Сяо И.

На редкость немногословно.

И даже не улыбнулся.

Почувствовав, что Сяо И сердится, Линь Мудун совсем растерялся и даже дышать старался потише. Он никак не мог понять переменчивого настроения Сяо И и тем более не понимал того взгляда, которым тот смотрел на него в последние дни.

Линь Мудун обиженно опустил глаза. Маньтоу в котле уже разогрелись, чашка была горячей, и он хотел найти что-нибудь, чтобы подложить под неё. Но протянувшаяся рука первой забрала чашку. Глаза Линь Мудуна тут же засветились: он решил, что Сяо И больше не сердится. Однако тот всё так же молча взял чашку и ушёл.

Линь Мудун остался стоять на месте, ошеломлённо глядя ему вслед.

Сегодняшняя трапеза прошла в молчании.

Старушка давно заметила неладное и сказала:

— Дун-гэр, после еды пусть зять сходит с тобой в горы. Я останусь дома и простегаю вам ещё несколько подошв для обуви.

Пока рядом находилась она, старая женщина, молодым с их чувствительностью было неловко говорить о многом при ней.

Линь Мудун прикусил палочки и украдкой посмотрел на Сяо И. Тот кивнул:

— Угу. Бабушка пусть остаётся дома, а мы пойдём работать в горы.

Они взяли заплечные корзины и мачете и молча отправились наверх. На Западной горе было много сухих веток; если собрать их и принести домой, топлива хватит надолго. Это тоже было частью крестьянской работы.

Сяо И шёл впереди, а Линь Мудун всё время держался от него шагах в десяти. Он хотел заговорить, но совершенно не знал, с чего начать. Такое отношение Сяо И заставляло его тревожиться. Когда они дошли до подножия горы, вдали показался Чжао Шуан.

Теперь Линь Мудун и вовсе перестал думать о разговоре. Увидев Чжао Шуана, он невольно задумался: почему тот постоянно без дела слоняется по деревне?

На этот раз рядом не было Сяо Цици. Возможно, из-за неприятностей в доме старшего дяди Сяо Цици тоже не позволяли выходить.

Чжао Шуан издалека смотрел на них...

Нет. Он смотрел на Сяо И. И таким цепким, заигрывающим взглядом, будто хотел приклеиться к нему глазами.

Линь Мудун широко распахнул глаза. Прямо при нём - и вот так?! Хм!

Он сердится!

Сяо И нахмурился, обернулся и спросил:

— Устал идти? Я тебя понесу.

Чжао Шуан раньше уже задирали его фулана, поэтому Сяо И и без того относился к нему без всякой симпатии. Сейчас было не время сердиться. Он остановился, дождался Линь Мудуна и пошёл дальше вместе с ним.

Линь Мудун широко распахнул глаза. Сяо И наконец-то снова заговорил с ним! Он тут же радостно захихикал и мелкими быстрыми шагами подбежал ближе:

— Не устал, не устал, я могу идти за тобой.

Сяо И взял его за руку.

Чжао Шуан увидел это и недовольно закусил губу. Но стоило вспомнить, каким жестоким бывает Сяо И в драке, как он немного струхнул. Почему Линь Мудуну можно, а ему нельзя?

Чжао Шуан нахмурился, а потом вдруг заметил кое-что ещё.

Когда они только встретились, Сяо И явно сердился и оставил Линь Мудуна одного позади. А стоило появиться ему, как эти двое вдруг заговорили. Неужели Сяо И, увидев его, нарочно вернулся к Линь Мудуну только для того, чтобы привлечь его внимание? А иначе зачем бы ему это делать?

В тот день, когда Сяо И устроил драку, он как раз был вместе с Чжоу Цюанем. Может быть, дело тоже в этом - Сяо И просто ревновал его к Чжоу Цюаню.

В глазах Чжао Шуана появилось самодовольство. Выходит, интерес Сяо И к собственному

фулану и правда всего лишь временный. В сердце он всё ещё думает о нём, иначе зачем было бы из-за него драться?

Раз так, можно великодушно дать Сяо И возможность сохранить гордость. Он ведь не мелочный человек. Надо только объяснить, что между ним и Чжоу Цюанем ничего нет, и попросить не ревновать так сильно.

Он уже собирался заговорить, но навстречу показались несколько деревенских тётушек. Чжао Шуан сразу остановился и не решился подходить, опасаясь чужих взглядов. Хоть и неохотно, пришлось ждать другого случая.

А Сяо И и Линь Мудун, разумеется, понятия не имели, какие мысли роятся у Чжао Шуана в голове. На узкой горной тропе поблизости уже не было никого из деревни, и можно было не бояться, что их увидят. Только что Линь Мудун ещё тайком рассказал, что сшил для Сяо И новый платок, и выражение лица Сяо И немного смягчилось. Но стоило им войти в горы, как он снова постепенно замолчал. На этот раз не помогло даже то, что Линь Мудун сам взял его за руку.

Линь Мудун совсем растерялся. Он никак не мог понять, что сделал не так. Неужели Сяо И теперь вообще не станет с ним разговаривать?

Чем больше он об этом думал, тем страшнее ему становилось. В тихом горном лесу вскоре послышались едва заметные всхлипы.

Спина Сяо И напряглась. Фулан плакал у него за спиной. Хотя было слышно, что Линь Мудун изо всех сил старается сдерживаться, маленький фулан совершенно не умел притворяться и всё равно выдал себя.

— Чего ты плачешь? — Сяо И беспомощно вздохнул.

В конце концов он всё же не смог продолжать сердиться и поднял руку, вытирая Линь Мудуну слёзы.

У Линь Мудуна внутри накопилась целая гора обид, но выговорить их он никак не мог. Он всхлипнул и, задыхаясь от плача, спросил:

— Ты... почему ты больше со мной не разговариваешь? Ты всё ещё сердишься? Я даже не знаю, что сделал неправильно.

Сяо И ответил:

— Разве не ты первым начал меня избегать? Увидишь меня и сразу убегаешь подальше. Вот сначала и скажи, почему ты от меня прячешься.

Стоило Сяо И спросить, как фулан, запинаясь и мямля, наконец объяснил причину. Сяо И и представить себе не мог, что дело окажется в этом. Все эти дни он так старательно сдерживал и подавлял своё влечение, а выходит, выдал себя с самого начала.

На мгновение Сяо И даже не понял, что сильнее - жалость к Линь Мудуну или желание рассмеяться. Уголки его губ приподнялись, и в глазах снова появился тот самый взгляд, которого Линь Мудун так боялся.

Но на этот раз всё было иначе. Сяо И поднял заплаканное лицо фулана, наклонился и впервые поцеловал Линь Мудуна. Он хотел, чтобы Линь Мудун понял: такой взгляд вовсе не означал, что Сяо И хочет его ударить. Он лишь хотел быть к нему ближе, потому что любил его.

Линь Мудун от поцелуя совершенно ошалел. Слёзы разом перестали катиться, а кончики ушей и щёки вспыхнули алым. Он смутно начал понимать, что отношения с Сяо И совсем не такие, как с другими. Не такие, как с бабушкой, не такие, как с Чжоу Ли. Это было что-то совершенно новое.

— Я тебя целую. Теперь понимаешь? — Сяо И решил не останавливаться на достигнутом. Всё равно поблизости никого не было. Он обхватил лицо фулана ладонями и нацеловался вдоволь, будто хотел одним разом возместить всю сдержанность последних дней.

Но Линь Мудун вдруг выдал такое, что Сяо И едва не опешил:

— От этого появится ребёнок?

Глядя на такого наивного фулана, который совершенно ничего не понимал, Сяо И дёрнул уголок губ, а потом широко и беззастенчиво рассмеялся. Он дважды кашлянул и с совершенно серьёзным видом начал морочить ему голову:

— Именно так. Если хочешь ребёнка, нужно, как я, почаще целоваться.

Сказав это, он коснулся пальцем своих губ и с хитрым выражением лица намекнул маленькому фулану, что теперь очередь за ним.

Линь Мудун поверил без всяких сомнений, прикрыл рот ладонью и отступил на шаг:

— Сейчас не надо. Сейчас надо собирать дрова.

Сяо И хохотал так, что у него даже живот заболел.

Линь Мудун спрятал руки за пазуху и нарочно сделал вид, будто сердится. Опять дразнит его только потому, что он ничего не понимает!

Он пошёл за заплечной корзиной, и они вдвоём принялись за работу. Сухих веток в горах было немало. Линь Мудун собрал хорошую вязанку, крепко перетянул её пеньковой верёвкой и закрепил на спине Сяо И. А лёгкие тонкие ветки он и сам мог связать в небольшой пучок и унести домой. В горах попадались стволы, изнутри выеденные насекомыми, - на дрова они годились отлично. Жаль только, что сегодня они не взяли с собой топор, иначе можно было бы срубить и унести заодно. Зимой запас дров никогда не бывает лишним. Линь Мудун вспомнил, как в детстве в соседнем переулке жила семья, у которой не было денег на уголь. С наступлением зимы им оставалось только терпеть холод и почти не выходить из дома. В конце концов старушка из той семьи зиму не пережила.

Линь Мудун слишком хорошо это помнил, поэтому к запасам дров относился почти с навязчивой серьёзностью. Стоило в свободное от полевых работ время оказаться без дела, как он вместе с бабушкой шёл в горы собирать ветки. Осенью и зимой горных даров уже почти не оставалось. Хурму и гранаты давно собрали, лишь кое-где в бамбуковых рощах ещё росли зимние побеги. Но дома сушёных побегов бамбука и так было немало - целых два мешка. Им вполне хватит до следующей весны.

С этого горного уступа хорошо просматривалась деревня внизу. В каждом доме уже разводили огонь к обеду, из труб тонкими струйками поднимался сизый дым и медленно плыл между горами. Отсюда был виден и их собственный огород - целая зелёная полоса, одна из немногих живых красок зимнего времени. Бабушка выпалывала сорняки между грядками, а щенок рядом то играл, то мешался под ногами. Неизвестно, что он натворил, но вскоре бабушка схватила его за зад и отшлёпала.

Линь Мудун невольно улыбнулся.

— Редька ведь уже поспела? — сказал Сяо И. — Через пару дней, если в горах не будет дождя, схожу и поймаю двух диких горлиц. Потушим их в супе.

Линь Мудун всё ещё помнил вкус супа из дикой горлицы - он был очень свежим и питательным. Он кивнул:

— Хорошо. А я тогда потушу целый котёл редьки в соусе, будешь смешивать её с рисом.

Он попросил Сяо И поймать побольше горлиц, чтобы несколько закоптить и оставить к праздникам. В тот раз, когда они ходили проверять садок в диком пруду, улов оказался богатым: кроме рыбы и креветок, туда попало ещё несколько угрей. Линь Мудун почти никогда не видел угрей и сперва решил, что в садок заползли змеи. Он так испугался, что тут же отёрнул руки и спрятался. Хорошо, Сяо И оказался проворнее, иначе весь уже пойманный улов сбежал бы. Позже этих угрей Линь Мудун закоптил и высушил.

Из-за неприятностей в старшей ветви семьи Сяо они и деньги на свадебный подарок отдали, и праздничного стола так и не попробовали. Линь Мудуну тоже немного захотелось вкусного, и он тихонько начал подговаривать Сяо И:

— Если хочешь, я приготовлю тебе тушёного угря с редькой. Потушу в соусе с жёлтым вином. Хочешь? Ты ведь наверняка хочешь.

Кто именно тут на самом деле хотел поесть, Сяо И разоблачать не стал. К тому же тушёный угорь и вправду был вкусным. Осенью и зимой после такого блюда руки и ноги оставались тёплыми весь день.

Сяо И кивнул:

— Хорошо. Давно я угря не ел.

Стоило ему согласиться, как Линь Мудун сразу заулыбался, обхватил Сяо И за руку и радостно прижался к нему, будто вовсе не он совсем недавно плакал.

Спускаясь с горы, они прошли мимо дома старшего дяди Сяо. Ворота были плотно закрыты, но изнутри доносились голоса. Похоже, старшая тётушка пыталась успокоить новую невестку. Линь Мудун ещё не знал, чем всё закончилось. Он встал на цыпочки и попытался заглянуть внутрь, немного тревожась за невесту и гадая, станет ли семья старшего дяди добиваться для неё справедливости.

Сяо И видел всё собственными глазами. Он тихо сказал:

— Вернёмся домой - расскажу. Здесь говорить неудобно.

Всё-таки обсуждать чужие семейные дела прямо у их ворот было нехорошо.

Вчера ночью, уже после часа Цзы, пришли родственники мужчин, устроивших бесчинство. Несколько семей принесли серебро, с плачем и причитаниями извинялись за своих сыновей и умоляли не отдавать их властям. Сяо Чанфу сидел с холодным лицом, всем своим видом показывая, будто намерен добиться справедливости для невестки, но в конце концов всё же принял серебро.

Фэн Цюжу была гордой и непреклонной. Увидев, что добиться справедливости уже не получится, а покончить с собой ей тоже не дали, она возненавидела семью мужа, к которой прежде испытывала лишь неприязнь. Когда младший сын семьи Сяо вошёл уговаривать её, она выхватила ножницы и приставила их к его горлу, а другой рукой прижала к собственной шее серебряную шпильку. Острые ножниц прокололо кожу на шее. Даже если ей суждено умереть, одного человека она утащит за собой.

Младший сын семьи Сяо, здоровый взрослый мужчина, потрогал шею и увидел на ладони кровь, но даже не осмелился сопротивляться и отнять ножницы. Он задрожал от страха, принялся молить о пощаде и даже обмочил штаны.

Чжоу Юньфэн с криком ворвалась внутрь, сперва осыпая Фэн Цюжу проклятиями, но материнская жалость к сыну всё же пересилила. Она тут же сменила тон и принялась униженно уговаривать Фэн Цюжу опустить ножницы.

Сяо И нахмурился. Он вовсе не переживал за семью старшего дяди, просто считал, что этой девушке не стоило губить собственную жизнь вместе с жизнями таких людей. Идти на взаимное уничтожение - худший выход. Он подал остальным знак не двигаться и дождался, пока Фэн Цюжу выдохнется и рука с ножницами ослабеет, после чего одним движением бросился вперёд и выхватил оружие. Остальные связали невесте руки, опасаясь, что она снова попытается навредить себе.

В деревне свадебные забавы были обычным делом, но обычно всё ограничивалось тем, что люди громко подшучивали над молодожёнами, заставляя жениха и невесту краснеть от смущения. Все знали меру, и никто никогда не позволял себе распускать руки. Младший сын семьи Сяо и в обычные дни был никчёмным. Порядочные люди с ним дружить не желали, зато сам он любил водиться с уличными хулиганами и проходимцами. И только теперь, когда огонь перекинулся на него самого, он наконец понял, что такое боль.

После спасения Сяо И больше там не задерживался. Он уже сделал всё, что мог. Как бы ему ни были противны поступки семьи старшего дяди, всё равно стоило кому-нибудь сказать: «Это их семейное дело, посторонних не касается», - и ему уже нечего было возразить.

<http://bllate.org/book/19002/2040541>